

Заключение

Экономика – вещь простая. Многое, о чем до хрипоты спорят профессиональные экономисты, кажется нам само собой разумеющимся.

Другое дело – ядерная физика, органическая химия, сердечно-сосудистая хирургия или, например, генная инженерия. Большинство людей судят об этих предметах в лучшем случае на уровне дилетантов, начитавшись на ночь научно-популярных брошюр. Физики, химики, врачи и биологи кажутся нам людьми удивительными, особыми, ведающими какими-то неизвестными простым смертным секретами мироздания. Сколько о них написано художественных книг, сыграно пьес, снято популярных кинофильмов! Они «идут на грозу», бешено спорят с «лириками», буравят земную твердь гиперболоидами и творят чудовищ на таинственном острове доктора Моро. Если бы Евгений Базаров, вместо того, чтобы резать мышей, начал писать пухлые труды в духе Адама Смита, то разве был бы он достоин стать героем романа о «новых людях»?

По сравнению со всем этим, экономика, повторяем, дело чрезвычайно простое, можно даже сказать, обыденное. Почему?

Видимо потому, что все мы, без всякого исключения, экономисты. Мы живем внутри того самого явления, которое называется экономикой. Мы привыкли существовать в окружении разнообразных товаров и пугающих цен. Когда ученые мужи морщат лбы, стараясь разгадать природу денег, мы смеемся – кто же не знает, что такое деньги?

Сама наша жизнь, которая по необходимости протекает в атмосфере экономических отношений, заставляет каждого иметь экономические взгляды, делать самостоятельные умозаключения о сути экономических явлений. А посему мы не просто экономисты, но даже экономисты-теоретики. Спросите любого, что такое прибыль, издержки, деньги, кредит и он наверняка найдет вполне сносные определения. Может быть, это и

объясняет тот удивительный факт, что, по признанию Й.Шумпетера, в экономической науке «соотношение между обыденными и научными знаниями смещено в сторону первых гораздо больше, чем в остальных областях научных исследований»¹.

Если же кому-то из нас, простых смертных, все-таки захочется покинуть суету бренного мира и окунуться в мир экономических теорий, то, кроме прочитанных специальных книжек, мы поневоле привносим в него и личный опыт, и политические взгляды, религиозные, моральные и прочие убеждения, хотя и пытаемся изо всех сил продемонстрировать миру неколебимую научную объективность.

Вопрос о том, где кончается наш субъективный экономический опыт и где начинается экономическая наука, стало быть, отнюдь не так уж нелеп. На первый взгляд, все дело в количестве экономических фактов, которые могут наблюдать и обобщать рядовой обыватель и профессионал, погруженный в море финансовой и отраслевой статистики. Возможно, это и так. Но тщательно наблюдая прошедшую и протекающую на наших глазах экономическую суету, мы закрываем глаза на то, что существует множество событий, которые вполне могли бы произойти, но не произошли. Поскольку, в отличие от сил природы, люди мыслят и сами выбирают пути развития общества, то нам доподлинно неизвестно, сколько таких потенциально возможных путей оказалось невыбранными, а значит и не осмысленными, не включенными во множество действительных обстоятельств, которые мы беремся анализировать. Если, к тому же, предположить, что избранные пути не всегда предпочтительны, как сказали бы математики, оптимальны, то положение еще более запутывается, ибо в своем анализе мы лишаемся возможности разбирать наиболее значимые из альтернатив.

Так, например, какие-то неизвестные поименно гениальные изобретатели дали человечеству плуг, колесо и множество других вещей, круто изменивших жизнь наших предков. Но сейчас и представить себе

¹ Й.А.Шумпетер. История экономического анализа, т.1, стр.11.

невозможно, мимо скольких несостоявшихся открытий, не нашедших своих гениев, прошла, не оглядываясь, торопливая история

На первый взгляд, положение исследователя экономических явлений представляется в связи с вышесказанным абсолютно безнадежным и человечество попросту обречено выживать, что называется, по наитию. И это было бы так, если бы оно не обладало чудесным даром – способностью к абстрактному мышлению, которая дает нам возможность изображать всю полноту действительности при помощи неких условных объектов и их взаимосвязей. Видимо, не будет преувеличением сказать, что экономическая наука в ее более или менее развитом и рациональном виде появилась тогда, когда ученые ввели в оборот экономические модели. С этого момента имеет смысл говорить и о методологии экономических исследований. С этого момента можно говорить не столько об истории экономики, описывающей и фиксирующей некий фактический материал, а именно об экономике как научной дисциплине. Отсюда следует и различие между взглядом на экономику обычного человека и взглядом экономиста: если первый исходит из личного и коллективного опыта, то последний, прежде всего, мыслит в рамках определенной экономической модели.

В чем ценность самой возможности такого взгляда? Прежде всего в том, что абстрактная модель стирает различия между свершившимися событиями и теми событиями, которые только могли бы произойти. Абстрактной модели неважно, было ли изобретено именно колесо или что-то иное – она просто зафиксировывает, что возможны какие-то изобретения, круто меняющие технологию общественного производства. Но таким образом, она позволяет потенциально включить в рассмотрение все возможности, все множество альтернатив. Когда говорят, что модели упрощают действительность для дальнейшего анализа, то это правильно лишь отчасти. На самом деле они расширяют сферу действительного, делая действительным то, что в реальности таковым никогда не было.

Если говорить о методологии экономических исследований К.Маркса, то прежде всего она состоит в доведении метода абстрактного моделирования до значительного логического совершенства. Тот же Й.Шумпетер абсолютно справедливо отметил, что при рассмотрении марксистской системы «трудность заключается в том, что, разрезая систему Маркса на отдельные компоненты и определяя каждому из них отдельные ниши, ... мы теряем нечто важное для его понимания. До некоторой степени сказанное относится к каждому автору: целое всегда больше суммы всех его частей. Но только в отношении Маркса потеря, которую мы несем, пренебрегая этим, жизненно важна, поскольку тотальность его видения сказывается в малейшей детали и является настоящим источником интеллектуального очарования, испытываемого каждым, — как другом, так и врагом, — кто тщательно изучит его работы»².

К сожалению, Й.Шумпетер так и не понял природы этой особой целостности. На самом деле К.Маркс создал не просто некую модель той экономической системы, которую собирался исследовать. Он, в отличие от своих предшественников, хотя бы того же Д.Рикардо, построил целую систему моделей, причем каждая последующая являлась дезагрегированной копией предыдущей. Но уже в силу самого факта такой дезагрегированности, мы, все-таки, должны рассматривать эту новую модель как вполне самостоятельную, все элементы которой взаимодействуют друг с другом на основе своих внутренних свойств³.

Продемонстрируем это на нескольких простых примерах. Сначала, как известно, в «Капитале» рассматривается т.н. всеобщее товарное производство и изучается соотношение товаров между собой. При этом изучаются принципы, согласно которым товары обмениваются друг на друга.

² Й.А.Шумпетер. История экономического анализа, т.2, стр.504.

³ Сам К.Маркс писал, что «в том и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости всевозможные категории, которые еще должны быть выведены, предполагает *данными*, чтобы доказать их адекватность закону стоимости» (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч., т. 32, стр.461). Маркс фактически говорит о том, что Д.Рикардо пытается «втиснуть» все экономические категории в одну единственную модель, совмещая их непосредственно с законом стоимости.

Далее выясняется, что весь товарный мир следует разделить на две части: собственно товары и некий особый товар – деньги. Являются ли, по К.Марксу, деньги товаром? Да, несомненно. Их свойства, их стоимость (как стоимость золота) определяется точно также, как и стоимость любого другого товара. И в то же время роль всеобщего эквивалента, приписываемого К.Марксом деньгам, создает необходимость рассмотрения уже совершенно нового явления: вместо соотношения товаров между собой возникает новая модель – модель товарно-денежного обращения, которая описывается знаменитой формулой «Товар – Деньги – Товар» (или $T - D - T$).

Но естественный ход дальнейших рассуждений приводит к тому, что деньги – это не просто особый товар, они могут также играть и вполне самостоятельную роль, стать исходной точкой экономического кругооборота. Поэтому формула как бы переворачивается и на ее основе возникает иная – не менее знаменитая формула – формула капитала $D - T - D'$. Но, как выясняется из виртуозного логического анализа, это уже другая модель, которая совершенно по-новому описывает экономическую действительность.

И так далее. При этом, как следует из дальнейшего изложения, каждая последующая модель все больше и больше приближает нас к реальностям экономической жизни, становится относительно все менее абстрактной. Но, поскольку само существование этой новой модели находит свое оправдание в предыдущей, более абстрактной системе категорий, подготавливается и оправдывается ею, она не теряет тех самых свойств широты охвата экономических фактов, который присущ экономическому моделированию как таковому.

Поэтому, когда торжествующий Е.Бем-Баверк «открыл» логические противоречия между первым и третьим томами «Капитала»⁴, то ему просто не пришло на ум, что этого противоречия не может существовать, поскольку

⁴ См., например, Ойген Бем-Баверк, Критика теории Маркса / Сост. А.В.Куряев. – М., Челябинск: Социум, 2002.

в первом и третьем томах указанной книги рассматриваются *разные модели*, причем при последовательном выведении конечной модели из первоначальной система абстрактных категорий изменилась просто до неузнаваемости.

Означает ли все вышесказанное, что само по себе применение методологии абстрактных моделей спасает экономическую науку от ошибок и очевидных глупостей? Разумеется, нет. Более того, именно то обстоятельство, которое делает экономику наукой, способно при определенных условиях превратить ее в сборник банальностей. Это происходит, по большей части, в тех случаях, когда люди осознают как реальность замечательную иллюзию, будто процесс развития науки происходит исключительно в головах, когда сам процесс исследования начинают превращать в некий процесс исправления логических ошибок. Если в какой-нибудь толстой книжке вдруг замечаешь фразы типа «Смит недопонял...», «Рикардо недооценил...», «Маркс сделал неверный вывод о...», то следует, по меньшей мере, насторожиться. Не то чтобы великие были абсолютно непогрешимы, но, с другой стороны, как объяснить, что авторитеты, теоретические системы которых легли в основу экономических взглядов практически всего культурного слоя населения крупнейших европейских стран, оказываются столь некомпетентными в глазах неумолимых потомков? Означает ли это, что сама культура экономического мышления в те стародавние времена была основана на ложных теориях, неспособных дать более или менее удовлетворительные ответы при решении возникающих проблем? И каким образом люди, сознание которых буквально опутано ложными теориями, умудрялись руководить правительствами, фабриками, банками? Более того, как отмечал тот же Йозеф Шумпетер, «немногие современные экономисты обратились бы за помощью в решении своих аналитических задач к людям, занятым практическими делами, особенно к банкирам, или хотя бы сочли их авторитетами в принципиальных вопросах их собственного бизнеса. Но данная ситуация сложилась в

следующий период, а в рассматриваемый период (имеется в виду первая половина XIX века. – М.Э.) именно практики были в авангарде аналитических достижений, и в большинстве случаев исследователи разного рода довольствовались тем, что заимствовали у них основные идеи»⁵.

К счастью, ситуация в данном вопросе совершенно обратная. Что касается теории стоимости, которую мы рассматриваем, то К.Маркс по этому поводу писал следующее:

«История теории, конечно, доказывает, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления. Все остальное – вздор»⁶.

Экономические взгляды, в особенности выраженные наиболее выдающимися представителями научной мысли, несомненно, достаточно полно и логически верно отражают основные закономерности той или иной исторической эпохи. Неверными, недостаточно точными, ошибочными их, по преимуществу, делают не логические ошибки как таковые, а именно изменения в самих экономических отношениях, возникновение новых экономических феноменов. Экономические теории, если они научны, становятся ложными не потому, что они таковы по сути, а по причине изменения исторических условий, которые они призваны объяснять. И, если это так, то каждая новая экономическая теория обязана не просто указать нам на ошибки предшественников и исправить их, но, прежде всего, объяснить, какие такие вновь открывшиеся обстоятельства породили необходимость ее возникновения.

⁵ Й.Шумпетер, т.2, стр. 905 – 906.

⁶ К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч., т. 32, стр.461

В истории классической политэкономии такие этапы можно различить достаточно ясно. Физиократия отразила основные особенности созревания товарных отношений в сельскохозяйственной, еще полуфеодальной, стране с относительно совершенным ремесленным производством. «Богатство народов» Адама Смита отразило период возникновения основных структур капиталистической системы производственных отношений, что позволило считать его создателем современной экономической науки, систематизатором ее языка. Д.Рикардо и К.Маркс – это, очевидно, теория товарного производства в эпоху господства капиталистической фабрики, основанной на применении машин, а также уже достаточно тесного переплетения промышленного и финансового капитала.

Нам приходилось писать, что этот последний период с точки зрения содержания трудовой деятельности характеризуется, прежде всего, превращением труда в простой всеобщий, одинаковый по большей части своих характеристик, труд. И, как это было уже ранее показано, именно это обстоятельство сыграло свою основополагающую роль в формировании трудовой теории стоимости в той ее интерпретации, которая представлена сначала Д.Рикардо, а потом и К.Марксом.

Согласно этой логике, пересмотр основных положений экономической науки должен был произойти тот момент, когда коренным образом изменилась бы вышеуказанная форма трудовой деятельности, когда труд перестал бы быть простым и всеобщим, а становился бы все более сложным, более квалифицированным и индивидуализированным. Это означало бы, что основной характеристикой такого труда была бы уже не продолжительность, затраченное рабочее время, а именно его конечный результат, выраженный в потребительной стоимости произведенного товара. А, следовательно, в результате должна была бы возникнуть какая-то внятная теория потребительной стоимости, которая объясняла бы процесс возникновения товарных цен.

Если взять тот реальный процесс развития производительных сил, который происходил в наиболее передовых странах европейской культуры, то такое новое качество трудового процесса начинает возникать не ранее начала XX века, когда довольно быстрыми темпами создается товарное машиностроение и станкостроение. Производство достаточно сложных и точных механизмов, по необходимости, вызвало и потребность в более квалифицированном труде. Но наиболее полное выражение оно смогло получить лишь в т.н. «постиндустриальном обществе», формирование которого пришлось на вторую половину этого же столетия.

Единственное, что осталось во всем этом совершенно непонятным, что же нам делать с той самой «Великой Маржиналистской Революцией», разразившейся, как известно, в конце века XIX–го? До сих пор доподлинно неясно, какие такие глубокие «тектонические сдвиги» заставили этих революционеров с шумом отбросить всю классическую науку.

Впрочем, вряд ли выяснение этих обстоятельств представляет значительный интерес. В данный момент гораздо важнее предупредить читателя о возможных последствиях прочтения им настоящей книжки, ибо как писал выдающийся классик Альфред Маршалл,

«в наше время любая простая, самоочевидная доктрина, касающаяся отношений между издержками производства, спросом и стоимостью, по необходимости ложна, и чем более ясной выглядит такая доктрина вследствие мастерской ее подачи, тем более вводит она в заблуждение. Человек может оказаться лучшим экономистом, когда он доверяется своему здравому смыслу и практической смекалке, чем когда он претендует на исследование теории стоимости, да еще отваживается считать такое исследование легким»⁷.

Устрашившись столь зловещих прорицаний, автор захотел тут же переписать все сочинение с начала до конца, чтобы сделать изложение как можно более запутанным и туманным, и тем самым хоть немного

⁷ А.Маршалл. Принципы политической экономии, т.2, стр.54.

приблизиться к истине. Однако, перечитав написанное, он облегченно вздохнул, поскольку не смог признать свое творение мастерским, а, следовательно, нет значительной опасности, что оно столь уж ложно, как это может показаться на первый взгляд.

Точно также вдохновило его и то, что в изложении всех вопросов, которые он постарался затронуть, доверялся он, прежде всего, здравому смыслу и никогда не считал свою работу легкой. И оттого текст остался таким, каким он и был.

Что же касается практической смекалки, то в этом мы целиком полагаемся на наличие таковой у директора чугунолитейного завода Ивана Ивановича, наблюдая за деятельностью которого мы и построили свою, если так можно выразиться, доктрину, о простоте и самоочевидности которой, впрочем, судить уже не нам.